

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ: СЛУЧАЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

VALERII A. EFREMOV

CULTURAL MEMORY AND PRECEDENT PHENOMENA: FYODOR DOSTOEVSKY'S CASE

Актуальный для широкого круга гуманитарных наук междисциплинарный феномен культурной памяти до сих пор не получил адекватной методики лингвистического исследования, хотя именно филологии семиотики (Я. Асман, А. Асман, Ю. М. Лотман и др.) подвели под исследование этого вида социальной памяти собственно научный фундамент. Представляется, что мощным орудием лингвистических исследований культурной памяти может стать теория прецедентных феноменов, восходящая к работам ак. Ю. Н. Караулова и его последователей. В статье с опорой на теоретическое описание современных концепций культурной памяти и прецедентности фрагментарно представлены результаты проведенного группой петербургских филологов лингвосоциологического эксперимента, цель которого — анализ интертекстуального тезауруса русскоязычных старшеклассников и студентов. Небольшая часть материалов эксперимента, представленных в данной статье, достаточно репрезентативно позволяет установить, какие и в какой степени сохранности восходящие к творчеству Ф. М. Достоевского прецедентные феномены продолжают сохраняться в языковом сознании молодого россиянина. Полученные в ходе эксперимента результаты амбивалентны: с одной стороны, они обнаруживают хорошую сохранность ряда прецедентных феноменов (прежде всего, связанных с базовым курсом школьной литературы: «Преступление и наказание», *Раскольников*, «Тварь я дрожащая или право имею?»), с другой стороны, они убедительно доказывают несформированность долговременной памяти о глубоком содержании самих художественных текстов и отсутствие индивидуально-личной апроприации русских классических текстов, что в ряде случаев может привести к квазипрецедентности тех или иных фрагментов культурной памяти в языковом сознании современного молодого россиянина.

Ключевые слова: культурная память; прецедентные феномены; Достоевский; лингвосоциологический эксперимент.

The interdisciplinary phenomenon of cultural memory, which is relevant for a wide range of humanities, has not yet received an adequate method of linguistic research, although philologists and semeiologists (Jan Assman, A. Asman, Yuri Lotman and others) have developed a scholarly foundation for the research of this type of social memory. The author supposes that the main tool for the linguistic investigation of cultural memory is the theory of precedent phenomena, going back to the works of academician Yuri Karaulov and his followers. The article is based on a theoretical description of modern concepts of cultural memory and precedents. It presents excerpts from the results of a linguo-sociological experiment conducted by a group of St. Petersburg philologists, the purpose of which is to analyze the intertextual thesaurus of Russian-speaking high school and university students. This article, presenting a small part of the experiment materials, gives an idea of what precedent phenomena from Dostoevsky's works still persist in the linguistic consciousness of young Russians and what is the degree of preservation of the studied precedent phenomena.

**Валерий Анатольевич
Ефремов**

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка

► valef@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена

191186, Россия, Санкт-Петербург,
наб. Мойки, 48

Valerii A. Efremov

Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika Emb., St. Petersburg, Russia, 191186

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «20-512-18006 Болг_а» («Вербализация культурной памяти: прецедентика в тезаурусе молодого поколения России и Болгарии»)

The experimental results are ambivalent: on the one hand, they reveal a good preservation of a number of precedent phenomena (first of all, those associated with the basic course of literature at high school: "Crime and Punishment", Raskolnikov, "Whether I am a trembling creature or whether I have the right"). On the other hand, they convincingly prove the lack of formation of long-term memory about the deep content of the literary texts or the absence of individual and personal appropriation of Russian classical texts, which in some cases can lead to the quasi-precedence of certain fragments of cultural memory in the linguistic consciousness of a modern young Russian.

Keywords: cultural memory; precedent phenomena; Dostoevsky; linguo-sociological experiment.

В 2021 г. исполнилось 200 лет со дня рождения одного из крупнейших русских писателей — Ф. М. Достоевского. Он один из самых актуальных и востребованных, цитируемых, переводимых и экранизируемых русских авторов в сегодняшнем мире. В разных странах его творческое наследие анализируется литературоведами и философами, лингвистами и историками, культурологами и психологами; по его произведениям ставят оперные, балетные и драматические спектакли, снимают кинофильмы и сериалы, рисуют комиксы и создают настольные и компьютерные игры.

Знакомство с жизнью и творчеством Ф. М. Достоевского — обязательный этап биографии любого образованного россиянина (школьные уроки литературы и истории; музеи, многочисленные памятники и памятные места по всей стране; длинный и постоянно пополняющийся список экранизаций и театральных постановок и т. д.). Однако что из творчества Ф. М. Достоевского и как именно хранит культурная память в языковом сознании тех, кто родился в конце XX — начале XXI века?

Культурная память: филологический подход

Филологический аспект исследования культурной памяти практически одновременно возникает в немецкой и советской филологии в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века.

В ставшей классической работе «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» (1992; рус. пер. 2004), вслед за работами М. Хальбвакса, филолог классик и историк Ян Асс-

ман выделяет четыре вида коллективной памяти: миметическую, предметную, коммуникативную и культурную. Миметическая память связана с деятельностью, которой члены общества обучаются через подражание; этот тип памяти может вербализоваться, например, в виде «инструкций по применению, поваренных книг, строительных пособий» [Ассман 2004: 19]. Предметная память связана с артефактами и всем тем, что окружает человека: от домашней утвари до транспорта и городов. Каждый рукотворный элемент окружающего мира так или иначе хронологически маркирован и репрезентирует элемент того или иного общества. Разумеется, этот тип культурной памяти с языком связан весьма опосредованно. Коммуникативная память — это «те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» [там же: 52]. Типичный пример — память поколения. Предполагается, что этот тип памяти мало формализован, интеракционален по своей природе и обусловлен общественными связями: «язык и способность коммуницировать с окружающими человек приобретает не изнутри, из самого себя, а только в общении с другими, в круговом, или возвратном, взаимодействии внутреннего и внешнего. <...> сознание и память создаются в отдельном человеке только благодаря его участию в этом взаимодействии» [там же: 20]. Коммуникативную память характеризуют: а) недолговечность (сам автор полагал, что это 80–100 лет, временной горизонт в 3–4 поколения); б) трансляция через непосредственный опыт и устные рассказы; в) отсутствие точек пересечения с глубоким прошлым, так как она формируется историческим опытом в рамках индивидуальных биографий. Культурная память, по Яну Ассману, это форма «передачи и воскрешения» культурных смыслов, которая образует семиотическое пространство, вбирающее в себя все другие формы коллективной памяти. Более того, каждая социальная страта вбирает и (ре)конструирует знание о себе и своей идентичности, формируя присущую именно ей культурную память: «В противоположность общераспространенной причастности к коммуникативной памяти, причастность к культурной памяти всегда дифференцирована» [там же:

56]. В контексте современных психолингвистики и лингвокультурологии обнаруживается непосредственная связь культурной памяти с национальным культурным кодом, с прецедентными феноменами тех или иных микросоциумов. (Попутно заметим, что, на наш взгляд, с лингвистической точки зрения культурную память той или иной лингвокультуры характеризуют в первую очередь такие явления, как крылатые слова и прецедентный тезаурус, а коммуникативную память — актуальные для конкретного хронологического среза прецедентные феномены.) Итак, культурная память — это не только и не столько хранилище информации, сколько сложноструктурированная и постоянно трансформирующаяся система.

Историк и культуролог Алейда Ассман противопоставляет культурную память другим форматам коллективной памяти: социальной, индивидуальной и политической. Социальная память, как и коммуникативная память Я. Ассмана, в ее концепции предстаёт в виде «оперативной памяти» общества и определяется достаточно короткими временными рамками: «динамика памяти общества существенно определяется сменой поколений. Каждая такая смена, происходящая примерно с тридцатилетним периодом, заметно сдвигает в обществе профиль его воспоминаний. Позиции, которые раньше господствовали или считались репрезентативными, постепенно перемещаются от центра к периферии» [Ассман 2014: 24]. Таким образом, социальная и индивидуальная память «персонифицированы», так как детерминированы памятью индивидов и их интеракциями. Культурная и политическая же память, напротив, имеют иную природу: эти типы долговременной памяти позволяют устранить разрыв поколений, обеспечить единство культурного кода отцов и детей. Важной в концепции А. Ассман является мысль о том, что с ходом времени в культурной памяти обязательно смещается восприятие тех или иных культурных смыслов: этот процесс неизбежен в связи со сменой эпох или обновлениями коммуникативной памяти. Таким образом, обновление культурной памяти (а в нашем случае — и прецедентных феноменов) — закономерный и неизбежный процесс развития любого общества, любой лингвокультуры.

Исследование культурной памяти неразрывно связано и с идеями основателя Московско-тартуской школы Ю.М. Лотмана, неоднократно писавшего о важности для семиотического анализа культуры понятия память культуры, которую он также связывал с коллективной памятью: «всякое функционирование какой-либо коммуникативной системы подразумевает существование общей памяти коллектива» [Лотман 1986: 616]. Саму суть культуру автор напрямую определяет через концепт памяти: «С точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т.е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [Лотман 1992: 200]. Для семиотического подхода важно, что культурная память обеспечивается списком некоторых константных текстов, которые и создают общее пространство данной культуры. Забегая вперед, с уверенностью можно сказать, что названия этих консонантных текстов неминуемо трансформируются в прецедентные тексты (в узком понимании термина).

Второй важный аспект концепции культурной памяти Ю.М. Лотмана — «память культуры не только едина, но и внутренне разнообразна. Это означает, что ее единство существует лишь на некотором уровне и подразумевает наличие частных «диалектов памяти», соответствующих внутренней организации коллективов, составляющих мир данной культуры» (там же). Эта мысль Ю.М. Лотмана важна для выявления различий в структуре интертекстуального тезауруса и списка прецедентных феноменов у представителей разных социальных страт. Иными словами, каждый микросоциум и присущая ему (микро)культура имеют свой, уникальный список прецедентных феноменов, который одновременно сосуществует с прецедентными феноменами, характеризующими ту или иную лингвокультуру в целом.

Кроме того, Ю.М. Лотман разграничивает две формы памяти: *информативная* и *креативная (творческая)*. Примером творческой памяти сам семиотик называет память искусства, для которой жизненно важными становятся постоянные процессы актуализации и процессы забвения текстов

культуры (в семиотическом понимании): «Актуальные тексты высвечиваются памятью, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию» [там же: 201]. Разумеется, каждая культура самостоятельно определяет состав того, что следует помнить, а что предать забвению.

Итак, во всех рассмотренных концепциях культурная память предстает не просто как некое хранилище информации, а как сложная, динамичная, непрерывно трансформирующаяся система, связанная с процессом смены знаний, в котором социальные страды накапливают, конструируют и реконструируют знание о собственной (культурной) идентичности.

Прецедентные феномены как вербализаторы культурной памяти

Представляется, что в современной филологической науке анализ культурной памяти и ее динамики наиболее продуктивно проводить с опорой на теорию прецедентных феноменов Ю.Н. Караулова, в центре которых оказывается прецедентный текст, «обладающий следующими свойствами: значимостью в познавательном и эмоциональном отношении, известностью среди широкого слоя образованных носителей определённой культуры, многократной воспроизводимостью в дискурсе языковой личности и реинтерпретационностью, возможным воплощением в других видах искусств» [Ружицкий 2017: XIX]. Развитие концепции Ю.Н. Караулова привело исследователей к выделению прецедентных феноменов различных типов: прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные высказывания и прецедентные ситуации [Красных 2016: 225].

Наличие тех или иных личностно актуальных и культурно обусловленных феноменов в памяти и сознании конкретного индивида предопределено его причастностью к конкретному лингвокультурному сообществу. «Существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [Хальбвакс 2007: 29]. Коллективной памяти «свойственны не только пространственная и временная конкретность, но и, если так можно выразиться,

идентификационная конкретность» [Ассман 2004: 41]. Иными словами, коллективная память напрямую связана с идентичностью человека, с его ощущением принадлежности к тому или иному социуму — от микрогруппы (и даже семьи) до этноса.

Коллективная память обеспечивает общность национального культурного кода, для существования которого важна постоянная повторяемость прецедентных феноменов, которые можно разделить на два типа: *историко-национальные* (в концепции Ю.Н. Караулова «места памяти как крупные явления национальной истории и культуры, известные большинству носителей данного языка и культуры, хранящиеся в памяти поколений и связанные, как правило, с именами собственными — антропонимами и топонимами» [Караулов 1999: 154] и *актуальные* («заметные события текущей общественно-политической и культурной жизни» [там же: 155]). Разумеется, когда речь идет о культурной памяти, связанной с творчеством Ф.М. Достоевского, то исследуются исключительно историко-национальные прецедентные феномены — те кванты социальной памяти, которые уже прошли апробацию временем и сохраняются в языковом сознании россиян десятилетиями.

«Ф.М. Достоевский, широко использовавший в своих произведениях отсылки к разного рода прецедентным текстам и ставший тем самым предтечей модернистской литературы, постепенно сам превратился в своего рода символ России и русской культуры, причём чаще с точки зрения инокультурного читателя» [Ружицкий, Конкина 2019: 211].

Культурная память и прецедентные феномены: лингвосоциологическое исследование

Для определения актуальных прецедентных феноменов в культурной памяти молодого современника коллективом авторов филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, состоящего из 8 докторов и кандидатов филологических наук (4 члена коллектива параллельно работают в средних общеобразовательных школах) было проведено лингвосоциологическое исследование, в котором приняли участие 978 студентов вузов

и учащихся старших классов из почти 30 регионов Российской Федерации; 79 % респондентов относятся к возрастной страте от 18 до 20 лет. (Более подробно о принципах и организации данного исследования см. [Ефремов 2021].)

Исследование было направлено на анализ степени сохранности ряда прецедентных феноменов, восходящих к творчеству Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, И.Ильфа и Е.Петрова, В.В. Высоцкого, Б.Ш. Окуджавы и В.Шекспира и к детской литературе, в культурной памяти и языковом сознании молодого россиянина.

В списке анализируемых прецедентных феноменов к творчеству Ф.М. Достоевского восходили следующие двенадцать: прецедентные тексты: *Преступление и наказание*; *Униженные и оскорбленные*; *Братья Карамазовы*; *Бедные люди*; прецедентные имена: *Князь Мышкин*; *старуха-процентщица*; *Сонечка Мармеладова*; *Родион Раскольников*; прецедентные высказывания: *Красота спасет мир*; *Тварь я дрожащая или право имею?*; *Вы и убили-с*; прецедентная ситуация: *слезинка ребенка*.

Исследование состояло из двух типов заданий.

В первом задании респондентам предлагалось определить авторство прецедентных феноменов разных типов, разных эпох и разных авторов. Узнаваемость прецедентных феноменов, восходящих к творчеству Ф.М. Достоевского, выглядит следующим образом.

Слезинка ребенка — 70 респондентов из 348 — 20%;

Красота спасет мир — 90 респондентов из 275 — 33%;

Вы и убили-с — 158 респондентов из 355 — 45%;

Князь Мышкин — 184 респондента из 355 — 51%;

Униженные и оскорбленные — 228 респондентов из 355 — 64%;

Бедные люди — 225 респондентов из 348 — 65%;

Братья Карамазовы — 221 респондент из 275 — 78%;

Тварь я дрожащая или право имею? — 291 респондент из 355 — 82%;

Старуха-процентщица — 234 респондента из 275 — 85%;

Сонечка Мармеладова — 311 респондентов из 348 — 89%;

Родион Раскольников — 318 респондентов из 348 — 91%.

«Преступление и наказание», безусловно, лучше всего сохраняется в культурной памяти молодого россиянина — как через прецедентные имена персонажей, так и через прецедентные высказывания, восходящие к роману.

Во втором задании участникам исследования предлагалось продолжить высказывания. Из творчества Ф.М. Достоевского были взяты пять прецедентных единиц; их степеней сохранности (правильная реконструкция прецедентного феномена) и узнаваемости (установление верных ассоциативных связей, но неточное воспроизведение прецедентной единицы) выглядят следующим образом:

Ко всему человек-подлец... — (нет ответа) 220; привыкает 115; привыкнет 5; приспособится 3; к себе он честен; молодец; найдётся; но такие как мы ещё хуже; отменный; подлец; привык; привыкает (достоевский); привыкает!; привычен; редкостный; руку приложит 1 (всего — 355): 32% сохранности + 3% узнаваемости;

Тварь я дрожащая или ... — право имею 209; право имеющий 20; (нет ответа) 19; права имею 8; право имеющая 8; право имеешь 2; власть имущие; герой; кто; не дрожащая; право имущий?!; право имеющий; скучающая; скучающая; человек имеющий; честь имею 1 (всего — 275): 76% сохранности + 15% узнаваемости;

Униженные и ... — оскорбленные (292); (нет ответа) 48; обиженные 2; больные; не опущенные; обделённые; угнетённые; уничтожены; унылые 1 (всего — 348): 84% сохранности;

Красота спасет ... — мир (334); (нет ответа) 12; мир — Достоевский 2; бегущих, Достоевский; мир (душу); мир наше отче наше; мир, кабы она добра была; не всех; этот мир 1 (всего — 355): 94% сохранности + 2% узнаваемости;

Преступление и ... — наказание 275 (всего — 275); 100% сохранности.

Не трудно заметить, что школьные занятия по литературе накрепко формируют в культур-

ной памяти молодого россиянина общие, базовые представления о части творчества Ф. М. Достоевского: так, авторство его основных повестей и романов во многих случаях респондентами устанавливается безошибочно.

Анализ результатов и выводы исследования

В целом, представленные на исследование прецедентные феномены, восходящие к творчеству Ф. М. Достоевского достаточно неплохо атрибутируются и хорошо распознаются респондентами, в отличие, например, от прецедентных единиц, восходящих к творчеству И. Ильфа и Е. Петрова, Б. Окуджавы, В. Высоцкого, культурная память о творчестве которых также анализировалась в данном исследовании и представлена гораздо хуже. Иными словами, культурная память о хронологически более близких нам писателях и поэтах советского периода в языковом сознании современного молодого россиянина сохраняется хуже, чем память о творчестве Ф. М. Достоевского, который, как известно, долгое время был в опале у Советской власти (исключение — 30-е гг.) и в школьную программу по литературе был окончательно включен только в 1968 г.

Одна из гипотез исследования, связанная с тем, что обязательные для школьной программы художественные тексты лучше сохраняются в культурной памяти, нашла свое полное подтверждение. Вот как распределились проценты правильной атрибуции автора произведения, из которого взяты прецедентные имена персонажей: Родион Раскольников — 91,4%, Сонечка Мармеладова — 89,4%, старуха-процентщица — 85%, а князь Мышкин — только 51%.

Одновременно высокий процент узнавания персонажей книги не свидетельствует о ее глубоко прочтении и осмыслении: так, правильно продолжить цитаты из того же «Преступления и наказания» *Ко всему человек-подлец ...* смогли 36% респондентов, а точно определить авторство фразы *Вы и убили-с* смогли только 44,5%.

Названия внепрограммных произведений Достоевского также показывают высокую степень узнаваемости: так, правильно назвали автора «Братьев Карамазовых» — 77,6%, «Униженных

и оскорбленных» — 64,2% участников. В связи с последней прецедентной единицей интересно отметить, что аутентичное продолжение «*Униженным и ...*» дали гораздо больше респондентов (83,9%), что свидетельствует о переходе самого словосочетания из статуса прецедентного феномена в статус фразеологизированной единицы, отрывающейся от авторства Достоевского. По-видимому, типологически в таком же статусе находится прецедентная единица *бедные люди*.

В качестве косвенного доказательства актуальности названия книг Ф. М. Достоевского для современника можно привести широко распространившийся с начала 2019 г. интернет-мем: «В связи с присвоением аэропорту «Пулково» имени Ф. М. Достоевского поступили предложения переименовать залы следующим образом:

- общий зал — «Униженные и оскорбленные»;
- бизнес-зал — «Бесы»;
- отсек для опоздавших — «Идиот»;
- зона досмотра — «Преступление и наказание»;
- зал Dutyfree — «Бедные люди».

Как видим, творчество Ф. М. Достоевского продолжает волновать умы россиян и дает повод для актуализации лингвокреативного потенциала интернет-пользователей.

Результаты проведенного нами лингвосociологического исследования, доказывающие, актуальность Ф. М. Достоевского для молодого современника, подтверждается и данными социологических опросов жителей Российской Федерации.

Так, традиционный опрос, проведенный Исследовательским центром портала SuperJob.ru 2 июля — 23 августа 2021 года среди 3000 респондентов в возрасте от 18 лет в 620 населенных пунктах РФ, выявил предпочтения россиян в области художественной литературы.

Лучшим и наиболее любимым произведением стал роман Л. Н. Толстого «Война и мир», за который отдали голоса 12% респондентов.

На втором месте — роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (11%). На почетном третьем месте с большим отрывом — роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского (2%).

По 1% голосов набрали следующие произведения отечественной классики: «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Идиот» и «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, «Собачье сердце» М. А. Булгакова, «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Отцы и дети» и «Муму» И. С. Тургенева, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

Также по 1% набрали произведения зарубежной прозы: «Граф Монте-Кристо» и «Три мушкетера» А. Дюма, «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери, «Унесенные ветром» М. Митчелл, «1984» Д. Оруэлл, «Сто лет одиночества» Г. Г. Маркес, «Гордость и предубеждение» Д. Остин. Благодаря молодому поколению 1% голосов набрала и серия романов Джоан Роулинг о Гарри Поттере (<https://www.superjob.ru/research/articles/113025/luchshaya-kniga-dlya-rossiyan/>).

Отметим, что Ф. М. Достоевский — единственный автор, представленный в списке лучших по мнению россиян книг 2021 г. тремя книгами. А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и М. А. Булгаков представлены в списке двумя произведениями.

Одновременно беспокойство специалистов вызывает тот факт, что зачастую реальная прецедентность тех или иных единиц вытесняется их квазипрецедентностью: «Можно с большой долей уверенности предположить, что для современного читателя, причем не только инокультурного, тексты Ф. М. Достоевского в силу их дефектного понимания и отсутствия у читателя необходимой культурной памяти часто становятся квазипрецедентными, а отсылки к ним используются в основном для украшения и демонстрации говорящим или пишущим своих знаний» [Ружицкий, Конкина 2019: 211]. Иначе говоря, современному носителю русского языка зачастую вполне хватает памяти лишь о том, откуда родом тот или иной прецедентный феномен

и кто автор исходного текста, но не более того. И это, безусловно, тревожная тенденция.

«Глубокое чтение Достоевского есть всегда событие в жизни, оно обжигает, и душа получает новое огненное крещение. Человек, приобщившийся к миру Достоевского, становится новым человеком, ему раскрываются иные измерения бытия» [Бердяев 1923: 18]. Интерес и любовь к творчеству Ф. М. Достоевского требует богатого интеллектуального и читательского опыта, который в силу возраста еще, быть может, не сформировался у части респондентов. Однако полученные данные свидетельствуют о том, что большинство молодых современников все же знает, что именно Ф. М. Достоевский утверждал, что «красота спасёт мир», что счастье всего человечества не может быть построено на слезинке одного ребёнка и что каждый «человек есть тайна».

Итак, имя и творчество Ф. М. Достоевского продолжают быть актуальными для культурной памяти современника. Проведенное лингвосоциологическое исследование прецедентных феноменов, восходящих к творчеству Ф. М. Достоевского, доказывает, что хрестоматийный, включенный в школьную программу роман «Преступление и наказание» лучше всего хранится в языковом сознании молодого россиянина, но почти исключительно на уровне персонажей и наиболее известных прецедентных феноменов. В целом хорошо опознаются и другие названия художественных произведений автора, и самые расхожие цитаты из его книг, включенные, например, в современные словари крылатых слов и выражений. Часть прецедентных феноменов, восходящих к творчеству Ф. М. Достоевского (*униженные и оскорбленные*, *бедные люди*), в языковом сознании современника начинают отрываться от источника и переходят в разряд фразеологизированных словосочетаний.

Вместе с тем рецепция творчества Ф. М. Достоевского не только современной литературой («Ф. М.» (2006) Б. Акунина, «iPhuck 10» (2017) В. О. Пелевина, «Петровы в гриппе и вокруг него» (2018) А. Сальникова и мн. др.), но и интернет-культурой (мемы), современным искусством (комиксы, графические романы, сериалы) и практиками досуга (настольные и компьютерные

игры) свидетельствуют о непреходящем интересе к фигуре великого классика русской литературы и о различных путях существования его творчества в культурной памяти современника.

ЛИТЕРАТУРА

Ассман 2014 — Ассман А. *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 223 с.

Ассман 2004 — Ассман Я. *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Бердяев 1923 — Бердяев Н. А. *Мирозерцание Достоевского*. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923. 238 с.

Ефремов 2021 — Ефремов В. А. Культурная память: Ф. М. Достоевский в прецедентных феноменах. В сб.: *Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе*. СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2021. С. 29–34.

Караулов 1999 — Караулов Ю. Н. *Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть*. М.: Институт русского языка РАН, 1999. 180 с.

Красных 2016 — Красных В. В. *Словарь и грамматика лингвокультуры*. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

Лотман 2001 — Лотман Ю. М. Память культуры [1986]. В кн.: Ю. М. Лотман. *Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров*. СПб.: Искусство, 2001. С. 614–622.

Лотман 1992 — Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении. В кн.: Ю. М. Лотман. *Избранные статьи*. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202.

Ружицкий 2017 — Ружицкий И. В. Предисловие. В кн.: *Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Н–По)*. Ю. Н. Караулов (ред.). М.: Азбуковник, 2017. С. X–XX.

Ружицкий, Конкина 2019 — Ружицкий И. В., Конкина Н. Р. Мнемическая функция отсылок к прецедентным текстам (на материале произведений Ф. М. Достоевского). В сб.: *Экология языка и речи*. Тамбов, 2019. С. 207–212.

Хальбвакс 2007 — Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Petersburg: St. Petersburg Mining University, 2021. P. 29–34. (In Russian)

Караулов 1999 — Karaulov Iu. N. *Active grammar and associative-verbal network*. Moscow: Institut russkogo iazyka RAN, 1999. 180 p. (In Russian)

Красных 2016 — Krasnykh V. V. *Dictionary and grammar of linguoculture*. Moscow: Gnozis, 2016. 496 p. (In Russian)

Лотман 2001 — Lotman Iu. M. Memory of culture (1986). In: Iu. M. Lotman. *Semiosfera: Kul'turaivzryv. Vnutri mysliaishchikh mirov*. Saint-Petersburg: Iskusstvo, 2001. P. 614–622. (In Russian)

Лотман 1992 — Lotman Iu. M. Memory in culturological lighting. In: Iu. M. Lotman. *Izbrannye stat'i*. Vol. 1. Tallinn. P. 200–202. (In Russian)

Ружицкий 2017 — Ruzhitskii I. V. Foreward. In: *Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossarij (N–Po)*. Iu. N. Karaulov (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2017. С. X–XX. (In Russian)

Ружицкий, Конкина 2019 — Ruzhitskii I. V., Konkina N. R. The mnemonic function of references to precedent texts (based on the works of F. M. Dostoevsky). In: *Ekologiya iazyka i rechi*. Tambov, 2019. P. 207–212. (In Russian)

Хальбвакс 2007 — Halbwachs M. *Les cadres sociaux de la memoire*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Russian)

REFERENCES

Ассман 2014 — Assman A. *Der lange Schatten Der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 223 p. (In Russian)

Ассман 2004 — Assman Ia. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Moscow: Iazykislavianskoikultury, 2004. 368 p. (In Russian)

Бердяев 1923 — Berdyayev N. A. *The World View of Dostoevsky*. Prague: The YMCA PRESS Ltd., 1923. 238 p. (In Russian)

Ефремов 2021 — Efremov V. A. Cultural memory: F. M. Dostoevsky through precedent phenomena. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniia v tekhnicheskot vuze*. Saint-